

УДК 930

DOI: 10.30914/2411-3522-2023-9-1-35-43

ДРЕВНЕМАКЕДОНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ГРЕКО-МАКЕДОНСКОЙ «ВОЙНЕ ПАМЯТЕЙ»

М. В. Кирчанов

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация

Аннотация. Целью исследования является анализ восприятия древнемакедонского культурного и исторического наследия в политике коллективной памяти в Греции и Северной Македонии. Статья основана на принципах мемориального поворота современной междисциплинарной историографии; манипуляции фактами прошлого со стороны активистов политики памяти интерпретируются через призму интеллектуальной истории и истории идей. Анализ современных форм исторической политики актуален, так как история, ее различные восприятия и интерпретации подвержены идеологизации, а македонское наследие стало причиной войны памяти между политическими элитами современных Греции и Северной Македонии. Новизна исследования заключается в сравнительном анализе восприятия древнемакедонских образов в греко-македонской мемориальной конфронтации, которая в современной российской историографии изучена в недостаточной степени. Автор анализирует роль и место древнемакедонских образов в развитии нарративов, формирующих греческую и македонские мемориальные культуры через призму восприятия наследия Древней Македонии, воображаемой в различных системах политических и идеологических координат. В статье показано, как образы Древней Македонии мутируют в результате виртуализации коллективной исторической памяти, а интернет-пространство становится сферой войн памяти между македонской и греческой мемориальными культурами. Предполагается, что виртуальные среды и пространства стали важными каналами развития исторической памяти и мемориальной культуры. Акторы политики памяти актуализируют восприятие античного македонского наследия в греческой и македонской исторической политике памяти. Результаты исследования позволяют предположить, что мемориальные конфликты или войны памяти являются универсальной формой функционирования мемориальной культуры в современных греческом и македонском обществах, где агенты политики памяти ассимилировали античное наследие, превратив его в символический мобилизационный ресурс.

Ключевые слова: Древняя Македония, древние македонцы, историческая память, историческая политика, политика памяти, национализм, войны памяти, присвоение прошлого, мемориальная культура

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Кирчанов М. В.* Древнемакедонское наследие в греко-македонской «войне памяти» // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2023. Т. 9. № 1. С. 35–43. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2023-9-1-35-43>

ANCIENT MACEDONIAN HERITAGE IN THE GREEK-MACEDONIAN "WAR OF MEMORIES"

M. V. Kirchanov

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

Abstract. The aim of the study is to analyse the perception of the ancient Macedonian cultural and historical heritage in the politics of collective memories in Greece and North Macedonia. The article is based on the principles of the memorial turn of modern interdisciplinary historiography; the manipulation of the facts of the past by activists in the politics of memory is interpreted through the prism of intellectual history and the history of ideas. The analysis of modern forms of historical politics is relevant, since history, its various perceptions and interpretations are subject to ideologization, and the Macedonian heritage has become the cause of a war of memory between the political elites of modern Greece and North Macedonia. The novelty of the study lies in a comparative analysis of the perception of ancient Macedonian images in the Greek-Macedonian memorial confrontation, which has not been sufficiently studied in modern Russian historiography. The author analyses the role and place of ancient Macedonian images in the development of narratives forming Greek and Macedonian memorial cultures through the prism of perception of the heritage of Ancient Macedonia, imagined in various systems of political and ideological coordinates. The article shows

how the images of Ancient Macedonia mutate in a result of the virtualization of collective historical memory, and the Internet space becomes the sphere of wars of memory between the Macedonian and Greek memorial cultures. It is assumed that virtual spaces have become important channels for the development of historical memory and memorial culture. The actors of the politics of memory actualise the perception of the ancient Macedonian heritage in the Greek and Macedonian historical politics of memory. The results of the study suggest that memorial conflicts or wars of memory are a universal form of the functioning of memorial culture in modern Greek and North Macedonian societies, where agents of the politics of memory assimilated the ancient heritage, turning it into a symbolic mobilisation resource.

Keywords: Ancient Macedonia, ancient Macedonians, historical memory, historical politics, politics of memory, nationalism, wars of memory, appropriation of the past, memorial culture

The author declares no conflict of interest.

For citation: Kirchanov M. V. Ancient Macedonian heritage in the Greek-Macedonian “war of memories”. *Vestnik of the Mari State University. Chapter “History. Law”*. 2023, vol. 9, no. 1, pp. 35–43. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2023-9-1-35-43>

Введение

Современная историческая наука утрачивает свои более ранние характеристики, определявшие ее место и статус с предшествующих моделях социального развития, включая право на производство знания о прошлом, выдержанном в академической системе координат. Большинство попыток интеграции прошлого в арсенал средств политической мобилизации, применяемой правящими элитами, сфокусированы на анализе политики памяти в транзитивных обществах. Политика памяти в современном мире становится универсальным явлением. Объектом исторической политики становится новейшая история, восприятие которой отягощено влиянием национализма и ревизионизма. Повышенный интерес политических элит и активистов исторической памяти к современности не исключает того, что объектом манипуляций, известных под родовым именем «историческая политика», может выступать и древняя история. В центре авторского внимания в статье будут проблемы и основные направления функционирования образов древней / античной истории через призму их инструменталистского использования в политике исторической памяти.

Целью статьи является анализ представлений о древнем / античном историческом прошлом в современном обществе потребления через призму миграции коллективных представлений о прошлом в виртуальные пространства мемориальных культур современной Греции и Северной Македонии через призму развития образов ан-

тичного македонского наследия, различно воспринимаемого в двух мемориальных культурах. Задачами статьи является: 1) изучение направлений и особенностей виртуализации и визуализации древности / античности, воспринимаемой в греческой и македонской интеллектуальных традициях в качестве мобилизационного символического ресурса современной политики памяти через призму формирования и развития концептов Самости и Инаковости, 2) анализ стратегий и форм навязывания современных греческих и славянских македонских этничностей прошлому древней Македонии и 3) выявление тенденций общей политизации памяти в контекстах ее восприятия как конструкта акторами исторической политики, апеллирующими не к актуальной современности, но античности.

Виртуальные пространства мемориальных конфронтаций за античность

Если в предшествующие годы «войны памяти» между греческими и македонскими историками относительно древнемакедонского культурного и исторического наследия носили преимущественно академический характер, то общий кризис гуманитарного знания, включая историю, политизация представлений о прошлом, постепенная миграция истории в направлении политических и идеологических манипуляций – все эти факторы содействовали тому, что древнемакедонские нарративы оказались востребованы участниками исторической политики. На современном этапе как политика памяти в

целом, так и мемориальные конфликты как ее частный случай развиваются в условиях виртуализации. Историографические дискуссии в современном мире становятся рудиментарным архаизмом, а академическая историческая наука, которая привлекает только специалистов, нередко оказывается не в состоянии говорить с основными потребителями прошлого на их языке.

«Войны памяти» в наиболее острой форме протекают в публичных и общественных пространствах, включая современные виртуальные среды. Проект международной сетевой энциклопедии «Википедия», статьи в которой могут свободно редактироваться пользователями, становится пространством мемориальных конфликтов, включая македонско-греческие «войны памяти» за право обладания или символического контроля над древнемакедонским наследием. Статья греческой Википедии «*Αρχαίοι Μακεδόνες*» формирует образ древних македонцев в исключительно греческой (эллинистической) системе координат, подчеркивая, что «македонцы были древнегреческой расой» или «дорийской расой», а их язык был родственен «греческому или северо-западному дорическому идиому или близок эолийскому»¹.

Македонская Википедия визуализирует другое восприятие памяти, настаивая, что древние македонцы были «народом палеобалканского происхождения, жившим на территории Македонии, говорившим на своем македонском языке, о котором мало что известно. Статус древнемакедонского языка не ясен, но он имеет сходство с другими палеобалканскими языками. Имеются данные о том, что древний македонский язык или древний македонский язык не был греческим диалектом, а эллинистические племена не знали древнемакедонского языка»². Греческая политика памяти в отношении македонского наследия основана на двух принципах – отрицании существования отдельной македонской идентичности и ее признании как компонента древнегреческого мира.

Использование такого нарратива агентами исторической политики в виртуальном пространстве указывает на правоту американского антрополога Дж. Фридмана, полагающего, что «история является представлением о прошлом, тесно связанным

с выработкой идентичности в настоящий момент» [7, р. 195]. Греческими агентами памяти в виртуальной среде декларируется, что «Македония была древнегреческим царством на самой северной границе Древней Греции»³. Македонские акторы политики памяти, активные в виртуальной среде, полагают несколько иначе, подчеркивая, что «Древняя Македония располагалась в центральной части Балканского полуострова, к северу от самой северной эллинистической (древнегреческой) области Фессалии»⁴. Этноцентричный греческий подход доминирует в рамках попыток дать определение древнемакедонскому языку.

Несмотря на имитацию научного дискурса в большинстве таких попыток доминирует грекоцентризм. Именно поэтому древнемакедонский язык воспринимается в качестве «диалекта древнегреческого языка, на котором говорили в древней Македонии и, хотя его иногда и называют языком, он не является отдельным греческим языком, будучи тесно связанным с древнегреческим»⁵. Македонские агенты памяти от столь категоричных утверждений далеки, полагая, что «древнемакедонский язык был языком древних македонцев. На этом языке говорило население Древней Македонии в I тысячелетии до нашей эры. Знания об этом языке очень скудны, так как нет сохранившихся текстов, бесспорно написанных на нем»⁶.

Восприятие языка древних македонцев как диалекта позволяет современным участникам политики памяти в виртуальных средах интегрировать македонцев в греческий контекст, подчеркивая их роль в более поздней этнической консолидации: «язык древних македонцев существовал до конца 1-го тысячелетия до нашей эры, когда его употребление пошло на убыль и он был заменен аттическим диалектом, который лег в основу более позднего общеупотребительного языка»⁷. Македонские активисты политики памяти склонны такой греческий этноцентризм

³ Μακεδονία (αρχαίο βασίλειο). URL.: [https://el.wikipedia.org/wiki/Μακεδονία_\(αρχαίο_βασίλειο\)](https://el.wikipedia.org/wiki/Μακεδονία_(αρχαίο_βασίλειο)) (дата обращения: 15.12.2022).

⁴ Античка Македонија. URL.: https://mk.wikipedia.org/wiki/Αντιχκα_Μακεδонија (дата обращения: 14.12.2022).

⁵ Αρχαία μακεδονική γλώσσα. URL.: https://el.wikipedia.org/wiki/Αρχαία_μακεδονική_γλώσσα (дата обращения: 14.12.2022).

⁶ Старомакедонски јазик. URL.: https://mk.wikipedia.org/wiki/Старомакедонски_јазик (дата обращения: 15.12.2022).

⁷ Αρχαία μακεδονική γλώσσα. URL.: https://el.wikipedia.org/wiki/Αρχαία_μακεδονική_γλώσσα (дата обращения: 14.12.2022).

считать излишним, подчеркивая, что «македонский язык существенно отличался от эллинского»¹. Политика памяти является спекулятивной сферой, на которую проецируются идеологические предпочтения ее участников. Агенты исторической политики в современной Греции категорически утверждают, что «авторы Древней Македонии писали свои произведения на эллинистическом языке»² несмотря на то, что источниковый корпус крайне ограничен для столь однозначных утверждений.

Лингвистическая идентичность македонцев определяется как греческая или чрезвычайно к ней близкая. Логика развития греческой мемориальной политики в целом вписывается в модель, предложенную В.А. Шнирельманом, полагающим, что «в эпоху национализма главными субъектами истории становятся нации, а так как примордиалистский подход наделяет их чрезвычайно устойчивыми культурными характеристиками, то нации вольно или невольно начинают отождествляться с этническими группами, корни которых теряются в незапамятной древности» [2, с. 18]. Такая стратегия реализуется в политике памяти Афин, которые последовательно продвигают примордиалистские видения истории, воспринимая древнемакедонское наследие исключительно в эллинской системе координат.

Что касается македонской исторической политики в отношении древних македонцев, то она представляется не менее спекулятивной, чем греческая. Если греческие агенты политики памяти настаивают на исключительно эллинской идентичности македонцев, то их северо-македонские коллеги и вовсе настаивают на том, что древнемакедонский язык «демонстрирует невероятное сходство с современным македонским языком и несколькими другими современными славянскими языками... имея большое количество одинаковых и близких слов с сегодняшним македонским и другими славянскими языками... в древнем македонском языке было 8 гласных, которые представлены в современном македонском языке, нескольких македонских диалектах и в литературном словенском языке»³.

¹ Античка Македонија. URL: https://mk.wikipedia.org/wiki/Античка_Македонија (дата обращения: 14.12.2022).

² Македонија (архајо βασιλειо). URL: [https://el.wikipedia.org/wiki/Μακεδονία_\(архајо_βασιλειо\)](https://el.wikipedia.org/wiki/Μακεδονία_(архајо_βασιλειо)) (дата обращения: 15.12.2022).

³ Антички Македонци. URL: https://mk.wikipedia.org/wiki/Антички_Македонци (дата обращения: 14.12.2022).

Среди греческих участников политики памяти в современных виртуальных пространствах доминирует мнение, что «различие и контраст между македонцами и остальными греками варьировались от незначительного до несуществующего»⁴. Агенты исторической политики стремятся доказать тождество между дискурсами истории, мифа и памяти, так как «объективно история пишется как определенный концепт самости, который основывается на радикальном отделении от какой-либо другой идентичности» [6, р. 41], что в случае развития мемориальной культуры в современной Греции отягощено не просто «отделением» от других идентичностей, но недопущением интерпретации древнемакедонского наследия через призму любой другой идентичности, отличной от греческой.

Именно поэтому общим местом стало утверждение, что древние македонцы имели «греческую идентичность»⁵. Развивая такое предположение, агенты политики памяти настаивают на том, что «объем сохранившихся публичных и частных надписей, которые были обнаружены, показывает, что в древней Македонии не было другого письменного языка, кроме греческого»⁶. Акторы исторической политики склонны настаивать на континуитете между древними и современными македонцами, воспринимаемыми как «региональная и историческая группа греков, проживающих или происходящих из Македонии в Северной Греции»⁷. Доминирование этноцентричного видения истории позволяет актерам памяти в современной Греции утверждать, что «греческое население населяло Македонию с древних времен», историческая Македония представляла собой «одно из суверенных государств Древней Греции»⁸, а «македонцы активно участвовали в ранних греческих революционных движениях», что позволяет политический процесс в XIX веке на территории Македонии определять

⁴ Αρχαίοι Μακεδόνες. URL: https://el.wikipedia.org/wiki/Αρχαίοι_Μακεδόνες (дата обращения: 15.12.2022).

⁵ Ιστορία της αρχαίας Μακεδονίας. URL: https://el.wikipedia.org/wiki/Ιστορία_της_αρχαίας_Μακεδονίας (дата обращения: 14.12.2022).

⁶ Αρχαία μακεδονική γλώσσα. URL: https://el.wikipedia.org/wiki/Αρχαία_μακεδονική_γλώσσα (дата обращения: 15.12.2022).

⁷ Μακεδόνες (Ελληνες). URL: [https://el.wikipedia.org/wiki/Μακεδόνες_\(Ελληνες\)](https://el.wikipedia.org/wiki/Μακεδόνες_(Ελληνες)) (дата обращения: 16.12.2022).

⁸ Ιστορία της αρχαίας Μακεδονίας. URL: https://el.wikipedia.org/wiki/Ιστορία_της_αρχαίας_Μακεδονίας (дата обращения: 15.12.2022).

как элемент «греческой революции»¹. Политика памяти основана одновременно на уверенности ее участников в этнической непрерывности истории Македонии и интеграции последней в исключительно греческие контексты. Историческое наследие региона определяется как исключительное греческое, то есть «форма греческой национальной культуры»².

Судьбы античного наследия в националистических нарративах

Современный исторический нарратив, который лежит в основе политики памяти Греции, основан на этноцентризме и восприятию Македонии в исключительно греческой системе координат. Актуальная модель мемориальной культуры предусматривает актуализацию исторической непрерывности в сохранении именно греческого характера Македонии от античности до современности. В рамках такой модели памяти ее радикальные формы фактически легитимируются и обретают статус нормы, что позволяет активистам исторической политики декламировать следующее: «Руки прочь от нашей прославленной истории. Руки прочь от нашей идентичности, нашей души и нашей славы»³, что актуализирует склонность к экспорту современной этничности на те сообщества, которые ей могли и не обладать.

В условиях доминирования этноцентризма в политике памяти аналогичные позиции были характерны и для институционализированного сегмента исторического знания, хотя академическая историография не тождественна исторической политике. В Северной Македонии на протяжении 1990 – 2010-х гг. сложилось два течения в политике памяти, представленные т. н. «кириллистами» и «александристами»⁴. Если первые идентичность македонцев воспринимают как

славянскую, то вторые склонны к неакадемическим интерпретациям, доказывая континуитет в языке и этничности между античными и современными македонцами-славянами⁵.

Подобная стратегия политики памяти определяется некоторыми македонскими экспертами как «узурпация древнемакедонского этногенеза»⁶. Если «кириллисты» сохранили свои позиции в академических институциях и УКИМ, то «александристы» оказались более успешными в попытках получить контроль над представленностью коллективной памяти в публичных пространствах, что и позволило элитам к середине 2010-х гг. достаточно далеко продвинуться в «антиквизации» памяти [1]. Несмотря на то, что, по мнению Э. Смита, «роль националистически настроенных историков в пропаганде национализма до сих пор не стали предметом тщательного исследования» [9, р. 63], опыт ряда обществ свидетельствует о том, что они не только могут быть акторами националистического воображения, но фактически выполняют функцию легитимации относительно инструментализации и идеологизации прошлого агентами политики памяти.

В случае с планомерно проводимой политической памяти ее зависимость от идеологической конъюнктуры оказывается более высокой. Что касается Северной Македонии, то в этой стране сложилась несколько иная ситуация. Академическая наука, представленная МАНУ и УКИМ⁷, в одинаковой степени отрицает греческую и славянскую идентификацию в рамках древнемакедонской истории. Несмотря на это, именно древнемакедонская идентичность и, как следствие, идея континуитета с ней активно на протяжении 2010-х гг. продвигалась в публичные пространства, что привело к присвоению аэропорту имени царя Филиппа, переименованию улиц и установке памятников македонским царям. Логика элит, как основных участников политики памяти, которая привела к большей визуализации именно античной истории в публичных

¹ Μακεδόνες (Ελληνες). URL: [https://el.wikipedia.org/wiki/Μακεδόνες_\(Ελληνες\)](https://el.wikipedia.org/wiki/Μακεδόνες_(Ελληνες)) (дата обращения: 16.12.2022).

² Μακεδόνες (Ελληνες). URL: [https://el.wikipedia.org/wiki/Μακεδόνες_\(Ελληνες\)](https://el.wikipedia.org/wiki/Μακεδόνες_(Ελληνες)) (дата обращения: 16.12.2022).

³ Ιακωβίδης Ο. Η λέξη Μακεδονία δεν προσδιорίζει ένα αγροτεμαχίο προς διευθετησή απο τους καταλατητες του // Ελληνοαμερικανικό Πρακτορείο Ειδήσεων. 2018. Ιανουαρίου 30. URL: <https://archive.greekamericannewsagency.com/2018/01/30/dfgfdgdfgdfgdfgdfgdfg301/> (дата обращения: 15.12.2022).

⁴ Ацевски И. Антички Македонци или Словени, патриоти или предавници? // Слободна Европа. 2009. Февруари 7. URL: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/1490527.html> (дата обращения: 15.12.2022).

⁵ Здравковска Ж. Филип Втори ги подели битолските советници на антички и словенски // Слободна Европа. 2012. Јануари 15. URL: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/24451996.html> (дата обращения: 16.12.2022).

⁶ Грчев А. Двојно идентитетско салто: Александар III Македонски е Словен! // Слободен печат. 2014. Јули 29. URL: <https://okno.mk/node/39703> (дата обращения: 15.12.2022).

⁷ Антички словени // СДК 2009. Јуни 20. URL: https://sdk.mk/index.php/sakam_da_kazam/antichki-sloveni/ (дата обращения: 14.12.2022).

пространствах, вероятно, свидетельствует об их вере в то, что «современные политические и идеологические сражения могут быть выиграны благодаря подчеркиванию определенных и замалчиванию других моментов истории» [4, р. 532].

Меры, призванные визуализировать память в публичных пространствах, представляли собой именно историческую политику как совокупность идеологически мотивированных манипуляций с прошлым. Академический институт национальной истории оказался в этой ситуации явным аутсайдером, так как, по словам директора Т. Чепреганова, «с нами не консультировались ни по одному памятнику, возможно, следовало консультироваться с отдельными представителями общественности, но как институт мы не давали никакого заключения ни по одному проекту»¹. Политика памяти содействует тому, что история постепенно «переместилась в центр исторических дебатов», а сама ситуация параллельного соразвития различных мемориальных культур и стратегий использования прошлого свидетельствует о том, что «историография может существовать в условиях конфликта между интересами исследования и требованиями текущей политики» [8, р. 631].

Последнее чреватое маргинализацией историографии в ее конкуренции с агентами исторической политики, которые в отличие от академических историков в современных обществах монополизируют право на актуализацию памяти в публичных и общественных пространствах. Стратегии развития памяти являются не только взаимоисключающими, но фактически воспроизводят конфронтационную модель взаимодействия между историческими памятями Афин и Скопье, что признается интеллектуалами по обе стороны границы². В ситуациях «войн памяти» мемориальная культура становится чрезвычайно важной в силу того, что именно «историческая память помогает в создании общего прошлого и идеи единства, которая особенно важна в новых обществах, продолжающих развивать политиче-

ское сообщество» [3, р. 426], гражданская компонента которого нередко подменяется принципами и ценностями этнического национализма.

Наследие Древней Македонии оказалось под контролем общественных активистов, ставших основными агентами исторической политики. Если в Греции македонские нарративы стали основой национальной консолидации общества в контекстах спора Афин со Скопье относительно названия бывшей югославской республики, превратив прошлое в символический мобилизационный ресурс политики памяти, то в Северной Македонии древнемакедонские сюжеты стали жертвой маргинализации, так как в местной версии исторической политики визуализация и актуализация образов Древней Македонии оказалась под контролем разного рода маргинальных групп.

Политика памяти Афин воспроизводит этноцентричную модель восприятия истории Македонии, конструируемую в исключительно греческой системе координат. Агенты политики памяти настаивают на том, что «македонцы почти на протяжении всего периода античности оставались сосредоточенными на исторических судьбах греческого народа... Греческая Македония с древних времен была оплотом Греции против варваров»³. Акторами исторической политики декларируется, что «греческий народ сплочен и полон решимости и не примет продажу нашей Македонии, потому что Македония, в конце концов, греческая»⁴. Если греческая мемориальная политика Афин в отношении Древней Македонии воспроизводит нарратив о ее эллинской идентичности, то критика такой точки зрения со стороны интеллектуалов Северной Македонии в ряде случаев оказывается конструктивной.

Марио Христовски стремится деконструировать греческие аргументы в стилистике лингвистического поворота, используя фактически двусмысленность понятий «Македония» и «македонцы». Согласно М. Христовски, «сама

¹ Тумановска М. Чепреганов – Во Македонија сите се прават историчари // Слободна Европа. 2012. Јули 29. URL: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/24659117.html> (дата обращения: 14.12.2022).

² Навлегува ли Македонија во националистички занес преку експлоатирањето на античкото минато? // Слободна Европа. 2009. Јануари 24. URL: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/1490346.html> (дата обращения: 16.12.2022).

³ Ασλανίδης Ι. Ιστορικη μνημη: οι Ελληνικες ριζες της Μακεδονιας // Ελληνοαμερικανικό Πρακτορείο Ειδήσεων. 2016. Οκτωβρίου 25. URL: <https://archive.greekamericannewsagency.com/2016/10/25/istoriki-mnimi-makedonia-rizes/> (дата обращения: 15.12.2022).

⁴ Μαρίας Ν. Η Μακεδονια ειναι μια και ελληνικη // Ελληνοαμερικανικό Πρακτορείο Ειδήσεων. 2019. Φεβρουαρίου 12. URL: <https://archive.greekamericannewsagency.com/2019/02/12/μαριας-στην-ευρωβουλή-η-μακεδονία-είν/> (дата обращения: 15.12.2022).

суть древней Македонии веками была частью нашей национальной идентичности. В Костуре, откуда родом македонские цари, до сих пор с гордостью говорят на македонском языке. Красивый Воден, который, по слухам, был первой столицей Македонии, имеет мифическую связь с королем Пердикой, который упоминается в произведениях братьев Миладиновцев в середине XIX века. Пелла, столица македонского государства и город, где Александр сделал свои первые шаги, является родиной современного македонского языка благодаря родившемуся там Крсте Мисиркову¹. Такая «лингвистическая» игра этнонимами и топонимами позволяет М. Христовски констатировать этнический и культурный континуитет между древними и современными македонцами, и только из контекста становится очевидно, что под последними понимаются славяне.

В случае мемориальной конфронтации Афин и Скопье примечательно и то, что агенты политики памяти в Македонии используют концептуально близкий этноцентризм, основанный на вере в непрерывный характер пребывания собственной группы в регионе. Н. Груевски воспроизводит аналогичный нарратив, выдержанный только в македонской системе координат: «соединительная ткань – это нить, пронизывающая все века и объединяющая людей, живших в этом регионе, будь то при коммунистическом режиме, или под фашистской оккупацией, или под властью сербов и болгар, или под Османской империей, или под Византией и Римской империей, или, наконец, раньше в древности во времена Македонии»².

Склонность к воспроизводству именно такой модели политики памяти в публичных пространствах характерна и для представителей греческих элит, которые интегрируют македонское наследие в контексты эллинизма [10]. В 2015 году премьер-министр А. Самарас, комментируя очередные археологические раскопки в Македонии, указывал на то, что «земля нашей Македонии продолжает нас волновать и удивлять, открывая

из своих недр уникальные сокровища, которые составляют, сплетают воедино эту уникальную мозаику нашей греческой истории, которой все греки очень гордятся»³. Несмотря на доминирование в исторической политике Афин этноцентризма, некоторые комментаторы настаивают на рациональности мемориального компромисса со Скопье, что, по их мнению, позволит «вернуть нашу историю, символы и традиции, поскольку соседняя страна прямо признает разделение между македонскими греками, их древнегреческой культурой, их языком и территорией, на которой они живут и народом этой страны с их собственной историей, языковыми и культурными особенностями»⁴.

Позиция некоторых македонских политиков свидетельствовала о готовности Скопье пойти на мемориальный компромисс с Афинами. Известно, что К. Глигоров, первый президент Македонии, подчеркивал, что «наша нация славянская, а не македонская, Александр Македонский был греком», а бывший премьер-министр Л. Георгиевски признавал, что «Александр Македонский сражался как грек, распространяя в то время греческую культуру на край света»⁵. Достижение мемориального консенсуса замедляется в силу влияния сторонников радикальной линии в политике памяти, основанной на национализме и на последовательном навязывании двух фактически современных идентичностей – греческой и македонской – древним македонцам, которые в одинаковой степени в Греции и Северной Македонии воспринимаются в качестве предковых групп.

Если, как полагает сербский историк С. Цвийич, «деидеологизация истории имеет важное политическое значение и может использоваться политическими элитами для формирования определенного взгляда на историю как инструмент в создании

³ Самарас А. Η γη της Μακεδονίας μας εξακολουθεί να μας συγκινεί, αποκαλύπτοντας από τα σπλάχνα της μοναδικούς θησαυρούς // Ελληνοαμερικανικό Πρακτορείο Ειδήσεων. 2014. Αυγούστου 12. URL: <https://archive.greekamericannewsagency.com/2014/08/12/samaras-amfipoli/> (дата обращения: 16.12.2022).

⁴ Παίρνουμε πίσω το «Μακεδονία» και την ιστορία μας // Ελληνοαμερικανικό Πρακτορείο Ειδήσεων. 2018. Ιουνίου 12. URL: <https://archive.greekamericannewsagency.com/2018/06/12/np126/> (дата обращения: 15.12.2022).

⁵ Η ιστορική υποχρέωση της Ελλάδας να εμποδίσει τη χρήση του ονόματος Μακεδονία από τους σκοπιανούς // Ελληνοαμερικανικό Πρακτορείο Ειδήσεων. 2018. Ιουνίου 11. URL: <https://archive.greekamericannewsagency.com/2018/06/11/h-ιστορικη-υποχρεωση-της-ελλαδας-να-εμπ/> (дата обращения: 16.12.2022).

¹ Христовски М. Зошто Македонците не се Словени // Нова Македонија. 2018. Јуни 25. URL: <https://novamakedonija.com.mk/makedonija/зошто-македонците-не-се-словени/> (дата обращения: 16.12.2022).

² Προκλητικός Γκρουεφски: «η “Μακεδονία” μας ενώνει δια μέσου των αιώνων» // Ελληνοαμερικανικό Πρακτορείο Ειδήσεων. 2015. Σεπτεμβρίου 10. URL: https://archive.greekamericannewsagency.com/2015/09/10/gkouefki_proklytikos/ (дата обращения: 15.12.2022).

новых национальных идентичностей» [5, p. 713], то актуальная греко-македонская конфронтация относительно древнемакедонского наследия свидетельствует о том, что общества Греции и Северной Македонии, наоборот, склонны не выстраивать новые идентичности, а проецировать уже сложившиеся на группы, воспринимаемые в качестве предковых. Сторонники этнического национализма в политике памяти активно продвигают нарративы, актуализирующие как греческую идентичность древних македонцев, так и их преемственность с современными греками: «слово Македония представляет собой священный ковчег, который сохраняет Славу греков как македонцев, которые иногда военными (в результате которых возникла великая Македонская Империя), а иногда культурными усилиями, строя великие города во всем известном тогда мире от Индии до Гибралтара, щедро засеивали его греческой культурой»¹.

Выводы

Обращение к образам древней или античной истории в политике памяти Греции и Северной Македонии является системной особенностью функционирования мемориальных культур в этих странах. Причины актуализации античных образов в политиках памяти стран Балканского региона разнообразны. Античность привлекает интеллектуалов в силу ее мобилизационного потенциала и возможного использования античных образов для визуализации представлений о древней и славной истории, величии и успехах исторических предков на фоне практически полного отсутствия достижений в политике и экономике этих государств на современном этапе.

Использование античных образов в политике памяти является формой исторической коллективной терапии, направленной на коррекцию коллективных травм, связанных с трудностями и

противоречиями новейшей истории XX века, в первую очередь – в силу наличия авторитарного и недемократического опыта в изучаемых обществах. Образы древней и античной истории являются крайне привлекательными для интеллектуалов в этих государствах, которые, наряду с правящими политическими элитами, понимают и осознают их значительный как манипуляционный, так и мобилизационный потенциал. Следует принимать, что функционирование античных или древних образов в современной политике памяти фактически привело к мемориальной конфронтации и началу «войн памяти» между Грецией и Северной Македонией. Основной причиной этого мемориального конфликта, как известно, является недовольство греческих политических элит использованием понятия «Македония» и производных от него прилагательных в соседнем славянском государстве.

Подобное отношение стало следствием роста опасений со стороны греческих элит. Коллективные фобии Афин связаны не только с явно преувеличенной угрозой территориального сепаратизма в греческой Македонии. Значительное беспокойство вызывает угроза символических потерь, связанных с утратой части исторического наследия, которое македонскими интеллектуалами Скопье воображается и конструируется в контекстах македонской славянской идентичности. Греческие авторы опасаются того, что на часть истории древней Македонии, воспринимаемой ими только и исключительно в греческой системе координат, могут претендовать их славянские соседи. Афины опасаются как альтернативных интерпретаций истории Македонии, так и экспорта в отдаленное прошлое современной македонской славянской идентичности со стороны неакадемических агентов политики памяти Северной Македонии. Такие фобии не являются препятствием для греческих акторов мемориальной культуры распространять эллинскую идентичность на древних македонцев, интегрируя тем самым последних в историю, написанную в грекоцентричной системе координат.

¹ Γιακωβίδης Ο. Η λέξη Μακεδονία δεν προσδιορίζει ένα αγροτεμάχιο προς διεύθετησή από τους καταπατητές του // Ελληνοαμερικανικό Πρακτορείο Ειδήσεων. 2018. Ιανουαρίου 30. URL: <https://archive.greekamericannewsagency.com/2018/01/30/dfgfdgdfgdsfgsf301/> (дата обращения: 16.12.2022).

1. Колосков Е. А. Строительство vs разрушение: памятники и мемориальные пространства Северной Македонии и Косово // Историческая политика в странах бывшей Югославии / под. ред. М. В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 384–394.

2. Шнирельман В. А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. 592 с.

3. Brüggemann K., Kasekamp A. The Politics of History and the “War of Monuments” in Estonia // Nationalities Papers. 2008. Vol. 36. No. 3. Pp. 425–448. DOI: <https://doi.org/10.1080/00905990802080646>

4. Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history // Nationalism and Ethnic Politics. 2004. Vol. 10. No 4. Pp. 531–560. DOI: <https://doi.org/10.1080/13537110490900340>

5. Cvijic S. Swinging the Pendulum: World War II History, Politics, National Identity and Difficulties of Reconciliation in Croatia and Serbia // *Nationalities Papers*. 2008. Vol. 36. No. 4. Pp. 713–740. DOI: <https://doi.org/10.1080/00905990802230563>
6. Friedman J. History, Political Identity and Myth // *Lietuvos etnologija*. 2001. No. 1. Pp. 41–62.
7. Friedman J. Myth, History, and Political Identity // *Cultural Anthropology*. 1992. Vol. 7. No. 2. Pp. 194–210. DOI: <https://doi.org/10.1525/can.1992.7.2.02a00030>
8. Lindner R. New Directions in Belarusian Studies besieged past // *Nationalities Papers*. 1999. Vol. 27. No. 4. Pp. 631–647. DOI: <https://doi.org/10.1080/009059999108867>
9. Smith A.D. Nationalism and the Historians // *International Journal of Comparative Sociology*. 1992. Vol. 33. No. 1–2. Pp. 58–80. DOI: <https://doi.org/10.1177/002071529203300105>
10. Χατζηδάκης Γ. Περί του Ελληνισμού των Αρχαίων Μακεδόνων. Αθήνα : Κοροντζής, 2015. 60 σ.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена после рецензирования 02.03.2023; принята к публикации 22.03.2023.

Об авторе

Кирчанов Максим Валерьевич

доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, Воронежский государственный университет (394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, maksymkirchanoff@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Koloskov E. A. Stroitel'stvo vs razrushenie: pamyatniki i memorial'nye prostranstva Severnoi Makedonii i Kosovo [Construction vs destruction: monuments and memorial spaces in North Macedonia and Kosovo]. *Istoricheskaya politika v stranakh byvshei Yugoslavii* = Historical Politics in the Countries of the Former Yugoslavia, ed. by M. V. Belov, SPb., Nestor-Istoriya Publ., 2022, pp. 384–394. (In Russ.).
2. Shnirelman V. A. Voiny pamyati. Mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e [Memory wars. Myths, identity and politics in Transcaucasia]. M., Akademkniga Publ., 2003, 592 p. (In Russ.).
3. Brüggemann K., Kasekamp A. The politics of history and the “War of Monuments” in Estonia. *Nationalities Papers*, 2008, vol. 36, no. 3, pp. 425–448. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/00905990802080646>
4. Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history. *Nationalism and Ethnic Politics*, 2004, vol. 10, no. 4, pp. 53–560. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/13537110490900340>
5. Cvijic S. Swinging the pendulum: World War II history, politics, national identity and difficulties of reconciliation in Croatia and Serbia. *Nationalities Papers*, 2008, vol. 36, no. 4, pp. 713–740. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/00905990802230563>
6. Friedman J. History, political identity and myth. *Lietuvos etnologija*, 2001, no. 1, pp. 41–62. (In Eng.)
7. Friedman J. Myth, history, and political identity. *Cultural Anthropology*, 1992, vol. 7, no. 2, pp. 194–210. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1525/can.1992.7.2.02a00030>
8. Lindner R. New directions in Belarusian studies besieged past. *Nationalities Papers*, 1999, vol. 27, no. 4, pp. 631–647. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/009059999108867>
9. Smith A. D. Nationalism and the historians. *International Journal of Comparative Sociology*, 1992, vol. 33, no. 1–2, pp. 58–80. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1177/002071529203300105>
10. Chatzidakis G. Peri tou Ellinismou ton Archaion Makedonon [On the Hellenism of the Ancient Macedonians]. Athina, Korontzis Publ., 2015, 60 p. (In Greek).

The article was submitted 13.02.2023; approved after reviewing 02.03.2023; accepted for publication 22.03.2023.

About the author

Maksim V. Kirchanov

Dr. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Voronezh State University (1 University Sq., Voronezh 394018, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, maksymkirchanoff@gmail.com

The author has read and approved the final manuscript.